

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Н. М. Солобай

О ФОНОЗАПИСИ ГОЛОСА НИКОЛАЯ АЛЕКСЕЕВИЧА КЛЮЕВА

В начале 2003 года в литературной жизни России произошло незаурядное событие. Национальный общественно-научный фонд выпустил антологию звучащей русской поэзии «Магия авторского слова. 100 поэтов XX века. Стихотворения в авторском исполнении. Из коллекции А. И. Лукьянова». Это оригинальное издание включает в себя 10 компакт-дисков с голосами поэтов и традиционный поэтический сборник всех озвученных стихотворений в подарочном исполнении. Запись голоса каждого поэта предваряет небольшой рассказ коллекционера-составителя о его поисках и краткий комментарий о поэтах и включенных записях. Наиболее ценную часть антологии составляют голоса поэтов Серебряного века русской литературы: И. Бунина, В. Брюсова, А. Белого, Н. Гумилёва, А. Ахматовой, С. Городецкого, А. Блока, М. Волошина, С. Клычкова, С. Есенина (эти записи давно и хорошо известны) и, наконец, Н. Клюева.

Клюев читает два отрывка, которые А. И. Лукьянов ошибочно относит к поэме «Деревня», написанной в 1926 году. Первые 16 строк записи действительно завершают поэму, но второй отрывок — это отдельное произведение без названия, которое начинается строками «Кто за что, а я за двоперстье...».

14 февраля 2003 года в Москве в Центральном доме литераторов состоялась презентация антологии, организованная Национальным общественно-научным фондом совместно с Московским клубом писателей. Значительная часть тиража была безвозмездно передана московским и подмосковным литературным музеям, библиотекам и школам... Бесценный подарок получили внучка Сергея Клычкова, дочь Николая Рубцова, музей А. Блока в Шахматове, музей С. Есенина на родине поэта, музей С. Клычкова в Дубровках и музей Н. Клюева в Вытегре. Но еще за год до выпуска антологии мне удалось получить аудиокассету с записью голоса Клюева и привезти ее в Вытегру: голос поэта прозвучал на вологодском радио, его услышали участники XVIII Ключевских чтений. В 2006 году нами получена новая запись из коллекции А. И. Лукьянова, на которой Н. Клюев исполняет старообрядческую песню¹.

Коллекция Лукьянова уникальна по своему составу и объему. В России, как и ранее в Советском Союзе, насколько нам известно, подобного собрания нет, и не было ни в одном государственном и частном хранилищах, в том числе и в Российском федеральном государственном архиве фонодокументов. Имя коллекционера хорошо известно. Анатолий Иванович Лукьянов — государственный и политический деятель, ученый и поэт, последний Председатель Президиума Верховного Совета СССР, ГКЧПист — узник «Матросской тишины», депутат Государственной думы. Знаменательны строки, написанные поэтом в октябре 1992 года: «И под небом тусклым На крутом ветру Я родился русским, Русским и умру».

Коллекция А. И. Лукьянова формировалась, как и его личное 12-тысячное собрание поэтических сборников, более полувека, начиная со студенческих лет. Толчком, как говорил сам Анатолий Иванович, послужила однажды поэтически высказанная знаменитым библиофилом Н. П. Смирновым-Сокольским мысль о том, что книжный текст — это гербарий, а голоса поэтов — поле благоухающих цветов... Постепенно простое коллекционирование записей перешло в осмысленное и кропотливое собирательство. В коллекции А. И. Лукьянова собраны голоса ста сорока поэтов России, начиная с И. А. Бунина, и записи голосов ста русских писателей, начиная с Л. Н. Толстого. Отдельный пласт составляют голоса ученых: А. Эйнштейна, К. Э. Циолковского, Н. И. Вавилова, С. П. Королева, И. В. Курчатова, Л. Д. Ландау, других знаменитостей. Имеются голоса зарубежных поэтов и писателей, в том чис-

ле У. Уитмена, записанного в 1898 году, Г. Аполлинера, Л. Арагона, Р. Тагора.

Примерно треть собрания — записи, сделанные самим Лукьяновым в период с 1960-х годов до наших дней. Оригинальным образом воспроизводится голос Марины Цветаевой. Когда долгие годы поисков, в том числе за рубежом, успехом не увенчались, тогда авторское исполнение он «возместил» голосом ее сестры Анастасии. В поэтическом творчестве самого Анатолия Ивановича — большое количество посвящений и обращений к русским поэтам. В циклах «Судьба поэта» и «Голоса поэтов» есть стихи, обращенные к А. Пушкину, М. Лермонтову, Ф. Тютчеву, Н. Некрасову, И. Никитину, А. Григорьеву, И. Бунину, В. Маяковскому, С. Есенину, М. Цветаевой, А. Блоку, М. Волошину, Б. Пастернаку, Р. Гамзатову, Д. Кедрину, Н. Рубцову, И. Талькову... С точки зрения предмета нашего исследования особенно выделим стихотворение «Голоса поэтов», отразившее впечатление автора, слушающего «голоса поэтов, которых нет уже в живых». Нам жаль, что в нем не упомянуто имя Клюева.

Между тем имеется немало свидетельств о сильных и особых впечатлениях от выступлений Н. А. Клюева. В них, по словам современника поэта Н. Л. Брауна, отразилась «память о материнских распевах, причитаниях, воплях-плачах, такие стихи он почти пел. Этот народный жанр речитативно-песенный был устным, в напечатанных Клюевских текстах очарование их устного исполнения пропадает»². Обширный материал по этой теме прозвучал в докладе В. Е. Кузнецовой на XIX Клюевских чтениях. Добавим еще и краткое, но емкое мнение С. А. Толстой-Есениной, высказанное в письме Клюеву от 17 февраля 1930 года: «...чтение Ваше нельзя забыть»³.

Исследователям жизни и творчества Н. Клюева известно, что голос поэта в свое время был записан на фонографе профессором Сергеем Игнатьевичем Бернштейном (1892—1970). Однако записи голоса поэта считались то ли утраченными, то ли не подлежащими реставрации. Н. Л. Браун ссылается при этом на самого Бернштейна, с которым встречался в 1960-е годы⁴. Это же в свое время утверждал известный звукоархивист Л. А. Шилов, много лет проработавший в фонотеке Государственного литературного музея, где 60 лет хранится коллекция Бернштейна. Даже среди профессионалов сложилось устойчивое мнение о крайне плохой сохранности коллекции. И только в недавно вышедшем 3-м издании его книги «Голоса, зазвучавшие вновь» появилось, наконец, важное для нас сообщение о том, что в

1980 году на первой в мире выставке «Звучащая литература» в Государственном литературном музее в числе других экспонировался отреставрированный голос Клюева⁵.

Это привело меня в фонотеку Государственного литературного музея и увиденное превзошло самые смелые ожидания. В описи коллекции С. И. Бернштейна учтено целых 14 единиц хранения фонографических валиков с записями голоса Н. А. Клюева⁶. Он читает две поэмы: «Мать-Суббота» и «Деревня»; 8 стихотворений: «Уму — республика, а сердцу — Матерь-Русь...», «Завещание», «Я сгорела молоденька без огня», «Прославление милостыни», «Придет караван с шафраном...», «Поселится в лесной избушке...», «Меня хоронят, хоронят...», «Кто за что, а я за двоперстье...» и произведение северного фольклора «Сказание о Василье и Снафиде». К сожалению, в наличии оказались только семь фоноваликов, в том числе шесть стихотворений, за исключением «Уму — республика...» и «Меня хоронят, хоронят...», два отрывка из поэмы «Мать-Суббота...», часть поэмы «Деревня», включая и изданный Лукьяновым отрывок, большая часть «Сказания...».

Итак, записи есть, частично обнародованы. Мы слышим живой голос поэта. Клюев все полнее, уже и звуком своего голоса, возвращается на свою Родину. Мы предприняли попытку исследовать историю этих фонозаписей. Здесь мы идем вслед за Л. Шиловым, имевшим полное право утверждать: «Запечатленные голоса, как и книги, имеют свою судьбу». Однако источниковая база коллекции С. И. Бернштейна, точнее организаций, где она создавалась, характеризуется архивистами как «небольшая и плохо организованная»⁷. К сожалению, пока не удалось установить точные обстоятельства, характер исследования и использования голоса Клюева. Тем не менее, определенная картина вырисовывается.

Архивные документы подтверждают, что записи голоса Клюева сделаны С. И. Бернштейном. Именно он, и прежде всего он, сохранил для потомков живые голоса поэтов, писателей, актеров, ученых, других замечательных наших соотечественников, живших в первой трети XX века. Выдающийся языковед, преподавательская и научная деятельность которого длилась 40 лет, автор 119 ученых научных работ, в том числе «Словаря фонетических терминов»⁸, участник составления поэтических словарей Тютчева и Пушкина, С. И. Бернштейн внес значительный, еще полностью не оцененный вклад в изучение проблем культуры речи, русского литературного

произношения, устной формы литературного языка, фонетики, фонологии, лексики, лексикографии, в разработку теории звучащего слова — декламации, поэтики стиха, интонации и специфики языка в сфере массовых коммуникаций. В этом ряду особое место занимают вопросы экспериментальной фонетики и теории декламации, которые он разрабатывал в Петроградском университете, затем в Институте живого слова, на Государственных курсах техники речи, в Государственном институте теории искусств, в радиокомитете, в НИИ радио и телевидения, в НИИ языкознания, в ряде вузов Москвы, включая МГУ.

С. И. Бернштейн стал создателем и, в течение 12 лет — с ноября 1918 по 1931 год, руководителем уникальных специализированных научных учреждений — экспериментальной отофонетической лаборатории Института живого слова и Кабинета изучения художественной речи Государственного института истории искусств (КИХР ГИИИ), находившихся в Ленинграде. Он лично с научными и мемориальными целями осуществлял записи на фонограф выдающихся или просто известных современников. В то время фонограф был первым и единственным прибором, записывающим и воспроизводящим по сделанной записи всевозможные звуки. Фонограф, изобретенный еще в 1877 году Томасом Альва Эдисоном, применялся до начала 1930-х годов. Уместно также вспомнить, что имя Эдисона в неправильном написании с двумя согласными «с» упоминается в стихотворении Ключева 1918 года «Медный Кит». О гениальном изобретении Ключеву было известно, но, очевидно, фамилию он воспроизвел по слуху.

Николай Ключев

Сохранилось описание фонографа, на котором был записан голос Ключева, оставленное А. Грузинским, автором редкой и очень интересной публикации о работе Бернштейна: «Резиновые трубки к ушам, скользящая по валу иголка, фонограф старенький...»⁹. Сохранился и сам фонограф: сейчас он находится в ГЛМ, а в Москву из Ленинграда, где он чудом сохранился, его перевез Л. А. Шилов. Фонограф прекрасно выглядит и находится в рабочем состоянии. На футляре крупными буквами «EDISON» указана фирма-производитель, а на металлической табличке — фирма-поставщик: «Единственные представители для всей России. Международное технико-промышленное общество. СПб.—Москва». Так же маркированы футляры, где хранятся фоновалики, которые тоже поставлялись фирмой «Эдисон».

Итогом работы С. И. Бернштейна стала коллекция фоноваликов с более чем шестьюстами записями. Записи производились не только в Петрограде—Ленинграде. С. И. Бернштейн в 1921—1922 годах и в 1930 году приезжал, по предварительным данным, не менее трех раз в Москву «для производства фонографических записей произнесения стиха московскими поэтами и для снятия копий в фонографической мастерской ГИМа с записей исполнения умерших поэтов»¹⁰. Было организовано архивное хранение и учет коллекции.

В настоящее время коллекция С. И. Бернштейна хранится в Москве в фонотеке Государственного литературного музея. В соответствии с Основами законодательства Российской Федерации об архивном фонде и архивах эти фонодокументы отнесены к составу государственной части архивного фонда и доступны для ознакомления и использования. Однако они почти не востребованы по ряду причин, в том числе в связи с особенностями носителя информации и способа их прочтения (прослушивания). Нам пока не удалось ознакомиться с полным объемом учетной документации фонотеки ГЛМ, поэтому поиск утраченного или, как говорят архивисты, числящегося в розыске, в настоящее время проблематичен, хотя не безнадежен. Считается, что нерасшифрованные фоновалики, в том числе плохой физической сохранности, в хранилищах Москвы и Санкт-Петербурга, в частности в Пушкинском Доме (коллекция Ю. Блока), есть.

По оценке Льва Алексеевича Шилова, сохранились две трети коллекции С. И. Бернштейна. Подтвердить или опровергнуть это мнение пока невозможно. Известно, что примерно семь лет после неудавшейся попытки перевода КИХР в Москву с целью расширения фронта работ и улучшения материально-технической базы и переез-

да в Москву самого Бернштейна, коллекция оставалась бесхозной. Ее в буквальном смысле спас Виктор Дмитриевич Дувакин, известный исследователь творчества В. В. Маяковского, создавший в 1930 году при МГУ фонд звукофонодокументов по истории отечественной культуры. В 1938 году он перевез коллекцию Бернштейна в Москву «в восьми чемоданах». В 1960-е годы она поступила в ГЛМ, в руки Л. А. Шилову, плодотворная работа которого по реставрации и изданию голосов ряда поэтов хорошо известна. Л. А. Шилов — автор двух книг: название одной указано выше, вторая — «Я слышал по радио голос Толстого». В свое время были популярны его выступления на радио и в ГЛМ; на последнем, зимой 2003 года, мне удалось побывать. Отметим, что и А. И. Лукьянов, и В. Д. Дувакин, и Л. А. Шилов — ровесники, все они закончили МГУ, все были лично знакомы с самим Бернштейном и его фоноархивом.

Материалы об исследовании С. И. Бернштейном голоса Н. А. Клюева пока не разысканы. Для этого необходимо внимательно пролистать все документы Государственного института истории искусств. Несомненно, это была бы одна из интереснейших находок.

Методику изучения записей голосов в Кабинете изучения художественной речи в популярной форме описал А. Грузинский: «В шкафу и ящиках кабинета накопилось... множество валиков, целые сотни; на каждом надпись — автор и дата. Весь современный “парнас”. Тут огромная пища для любопытства, но это и больше, чем пища для любопытства. Голоса поэтов, если прислушаться, расскажут, как делается поэзия, как поэт понимал свою поэзию, как отражается в творчестве общественная идеология эпохи и класса, как развивается стихотворная техника. Вокруг валиков разворачивается интереснейшая исследовательская работа, подобия которой больше нигде нет»¹¹.

Процесс исследования голоса отражался в диаграмме. В публикации описано, как зафиксировано движение голоса великого немецкого трагика Александра Моисси, читающего стихотворение Гёте «Майская песня». Громадная диаграмма, похожая на инженерный расчет, — кривая на ней, как полет молнии, с резким срывом посередине и стремительным взлетом в конце. Особые значки на линии показывают полнейший оттиск читки этого стихотворения: «Получились как бы ноты стихотворения, добавленные к его словесному тексту»¹².

Такие же «ноты», как утверждает автор, составлены и по записи А. Блока и, надо полагать, Н. Клюева, хотя его имя не названо.

А. Грузинский высказал тогда замечательную, но, к сожалению, по сей день не реализованную мысль: «Может быть, когда-нибудь к собраниям стихов будут прикладываться и эти оттиски, мы узнаем не только текст стихотворения, но и как сам автор его понимал. Для исследователя литературы это не менее важно, чем рукопись автора. ... Разве не следовало бы приблизить к массам поэтов? Разве голос Маяковского менее интересен ... , чем тренькание на гавайской гитаре?»¹³. В РГАЛИ сохранились отдельные записи С. И. Бернштейна к докладу об исследовании голоса А. Блока. Один из выводов гласит: «Голос Блока характеризуется свободным отношением к художественным приемам, не систематическим их применением, предохраняющим его от схематизма»¹⁴.

На основании сохранившихся в ГЛМ документов решен вопрос о времени и месте записи голоса Ключева. И Л. А. Шилов, и А. И. Лукьянов утверждают, не называя конкретной даты, что запись сделана в Институте живого слова, значит, в период с 1918 по 1923 годы. Однако в хранящейся в РГАЛИ автобиографии С. И. Бернштейна, написанной 25 февраля 1922 года, где перечислены имена 26 из 30 «подвергнутых фонографированию» в Институте живого слова, имя Николая Ключева не значится. Вряд ли оно оказалось за пределами списка: Ключев был уже известным поэтом¹⁵, но в указанный период он жил в основном в Вытегре. Вместе с тем, в документе от 22 апреля 1930 года имя Н. А. Ключева указано в числе 29 поэтов из ста, записанных на фонограф. Для нас немаловажно также, что без указания имен обозначены «представители крестьянского искусства звучавшего слова (сказки, былины)». В их числе мог быть и Н. Ключев, исполняющий старообрядческие песни. Добавим также, что в списке¹⁶ значатся имена Н. Брауна, В. Шершеневича, В. Эрлиха и, подчеркнем, Н. Гумилёва. Это в 1930 году!

Известно, что С. И. Бернштейн маркировал фоновалики и составлял формуляры, где был указан автор, дата, названия записанных произведений, скорость записи. Сохранились формуляры и на ключевские фоновалики, собственноручно написанные С. И. Бернштейном более 75 лет назад. Все записи Н. Ключева были сделаны на фонограф в Кабинете изучения художественной речи в Ленинграде на площади Воровского (ныне Исаакиевской), 5. «Мать-Суббота» и все стихотворения, кроме «Кто за что, а я за двоперстье...», записаны 25 марта 1924 года. «Деревня» и указанное стихотворение, а также «Сказание...» записаны 30 мая 1928 года. Пока открыт вопрос о

времени записи старообрядческой песни. Таким образом, установлены два, безусловно, достоверных документированных факта творческой биографии Н. А. Ключева.

Переоценить мемориальное значение находки и публикации голоса Ключева невозможно. Наряду со сказанным выше, наличие записей в авторском исполнении имеет большое научное значение и по другим позициям.

Так, фонозапись произведения «Кто за что, а я за двоперстье...» документально подтверждает существование еще одного, очевидно, первого варианта стихотворения. Выявлены разночтения с опубликованным текстом, при этом ни в одном из изданий наличие варианта не отмечено¹⁷. Всего разночтений два. В одном предлог «на» заменен предлогом «по», что особого значения не имеет, хотя интонационный нюанс чувствуется. В записи голоса слышим: «Как березки, девушки **на Вятке**». В публикациях во 2-й строке 5-й строфы читаем: «Как березки, девушки **по Вятке**».

Разночтение в 3-й строке 1-й строфы более интересно, оно носит важный смысловой характер:

В записи голоса Ключева звучит:

*«Измерено ль русское безвестье
Пушкинской золотою рыбкой?»*

В опубликованном тексте читаем:

*«Разгадано ль русское безвестье
Пушкинской золотою рыбкой?»*

Разночтения показывают работу Н. Ключева над текстом. Первоначально использован глагол «измерить», достаточно пассивный по характеру, обозначающий действие, фиксирующее, констатирующее, хотя наличие вопроса в конце предложения придает строке ноту сомнения. Глагол «разгадать» более глубок по смыслу, он динамичен. Его синонимы по Далю — «догадываться, дойти умом от известного или данного до неведомого, незнаемого; додуматься» и, добавим, поставить вопрос о возможности постижения русского характера¹⁸.

Важно и то, что, наконец, научный комментарий к последующим изданиям Н. А. Ключева может пополниться сведениями о фактах записи авторского чтения на фонограф, о впечатлениях современников, слышавших артистичное чтение Ключева.

В завершение выскажем надежду, что когда-нибудь в нерасшифрованных фонозаписях будут обнаружены новые записи голоса Н. А. Ключева. И это еще больше приблизит к нам и сохранит для наших потомков живой, осязаемый образ великого русского поэта. Пока укажем, что в фонотеке ГЛМ имеется фонозапись воспомина-

ний о Клюеве, принадлежащих Н. Д. Волпин, известной по биографии С. Есенина. Продолжительность записи 13 минут 40 секунд, сделана она была в 1991 году Государственным домом радиовещания и звукозаписи. Мы же ставим перед собой задачу найти и кинозаписи с Клюевым. Работа эта кропотливая, требует как можно более детального изучения жизни поэта, его непосредственного участия в литературной жизни страны, запечатленной на кинолентах прошлых лет, хранящихся в архивах Москвы и Санкт-Петербурга.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Содержание записи, возможно, требует уточнения. Она предназначена для включения в оригинальный юбилейный, но пока еще не осуществленный электронный проект, предусматривающий запись слова о Н. А. Клюеве, голоса поэта и музыкального цикла Р. Ф. Зелинского «Избятные песни».

² Браун Н. Л. Автографы Клюева в семье Браунов // Николай Клюев. Образ мира и судьбы. Материалы Всероссийской конференции. Томск, 2000. С. 19.

³ Кравченко Б. Н. Через мою жизнь // Наше наследие. 1991. № 1. С. 125.

⁴ Браун Н. Л. Автографы Клюева... С. 159.

⁵ Шилов Л. А. Голоса, зазвучавшие вновь. Записки звукоархивиста-шестидесятника. М.: Русаки, 2004. С. 368.

⁶ ГЛМ. ОФ № 365, он. ПК 1034, № 133–146.

⁷ Горяева Т. М. Из истории отечественной звуковой культуры (Жизнь и деятельность С. И. Бернштейна) // Народный архив. Альманах. М.: Россия молодая, 1993. С. 28.

⁸ Леонов А. А. Предисловие // Бернштейн С. И. Словарь фонетических терминов. М.: Восточная литература, 1996. С. 18–28.

⁹ Грузинский А. Голоса поэтов // Стройка. 1930. № 13. С. 15.

¹⁰ Горяева Т. М. Из истории ... С. 31.

¹¹ Грузинский А. Голоса поэтов...

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 4. Д. 2. Л. 13.

¹⁵ Там же. Л. 43–45.

¹⁶ Там же. Оп. 1. Д. 138. Л. 389–381.

¹⁷ Клюев Н. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. СПб.: РХГИ, 1999. С. 541, 945–946.

¹⁸ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. М.: Изд-во «Русский язык», 1998 (репринт 1882). С. 22.